

О. Б. Божков

ЧТО ОСТАВИШЬ ПОСЛЕ СЕБЯ
Памяти Бориса Ивановича Максимова
(1934 – 2016)

Война пришла в его деревню уже в конце лета 1941 года. Боре было тогда 7 лет. Никогда не забуду его рассказ о том, как на краю оврага во время войны расстреливали партизан или «их пособников». Расстреливали не оккупанты, а свои же — деревенские, — кто пошел в полицаи. Уже будучи взрослым, в память о погибших односельчанах Борис своими руками сделал у этого склона Поклонный крест.

Этот крест — отнюдь не единственное, что он сделал своими руками в родной деревне Псоедь (Лужский район Ленинградской области, Осьминское поселение). По его инициативе вместе с односельчанами он дважды (как минимум) сохранял и реставрировал деревенскую часовню. В Осьмино, что в нескольких километрах от его родной деревни, он с друзьями пытался спасти церковь. И не его вина, что полностью её спасти не удалось. Не раз они ремонтировали мост через реку Сабба. И когда его все-таки смыло, Борис на свои средства и своими силами вместе со своим зятем и другом-односельчанином соорудили пешеходную переправу из бетонных столбов.

Его неграмотная мать, которая расписывалась крестиком, не поощряла его тягу к учению. А Борис рано научился читать и читал много. Мать отнимала у него книги, чтобы не жег зря керосин и дрова (он читал в свете топящейся печи). Электричество появилось в деревне только после войны. В своей деревне он окончил всего 7 классов, а потом ушел в ремесленное

училище. Но когда его мама получила серьезную травму, вернулся в деревню и до самой её смерти ухаживал за ней. И только похоронив её, уехал в город, экстерном сдал экзамены за весь оставшийся школьный курс и поступил на философский факультет Ленинградского университета. Хотя с детства у него проявились инженерные способности.

Будучи подростком (лет в 13–14) он смастерил ветряк, который должен был приводить в движение и крупорушку, и пилу, и другие необходимые домашние инструменты и приспособления¹.

А потом, уже после окончания университета, сам добился распределения на завод и там создал стенд для сборки гидравлических цилиндров. Вот как он рассказывал об этом в интервью Б. З. Докторову. «...выпускник философского факультета ЛГУ, с упоением окунулся в механизацию, скоро даже обогнал в росте инженеров с техническим образованием, меня повысили в должности до старшего инженера и поручали самые сложные устройства. А все вследствие энтузиазма, желания что-то изменить, улучшить, внедрить.

В одном цехе я обнаружил допотопный сборочный стенд гидравлических цилиндров. Я тут же подал рацпредложение по его усовершенствованию; это было очередное более чем из десятка предложений, уже поданных мною. В ответ мне принесли пачку чертежей, составленных каким-то институтом, с полной механизацией сборки. За изготовление сложного агрегата никто не брался. Я тоже отставил чертежи и принялся за реализацию своего рацпредложения. В различных цехах я высматривал забракованные, а то и просто плохо лежавшие узлы, стаскивал их в центральную лабораторию, принадлежащую отделу, и здесь компоновал в задуманный мной стенд.

Освоил работу на станках, электросварку, не говоря уже о слесарном деле... можешь поверить?! — бегал по террито-

¹ Более подробно об этом см.: *Божков О. Б. Простой нормальный хороший человек (городской портрет на деревенском фоне) // Человек. 2016. № 3.*

рии — настолько велико было мое нетерпение сотворить собственное детище. Я, конечно, действовал неправильно, воспользовавшись уходом начальника в отпуск — не дело инженера заниматься физическим изготовлением агрегата, что мне было и указано, за что и получил в качестве благодарности выговор. Но стенд стоял и действовал! Тогда только так и можно было двигать научно-технический прогресс. Фотографию стенда я храню до сих пор как свидетельство о реально сотворенной вещи, не единственной ли в жизни инженера, ученого-социолога?» (Максимов 2007: 6–7).

Эта тяга к продуктивной деятельности, к реальным результатам, которые можно увидеть, а может быть и пощупать, — важная черта характера Бориса — проявлялась всегда и во всем: и в труде, и в отдыхе, и в будни, и в праздники.

Наши профессиональные пути с Борисом совмещались многократно, но плотно, как минимум, дважды. Во-первых, в незабываемом и весьма эффективном проекте (1991–1993 гг.), инициатором которого были руководители одного из рязанских кооперативов. Суть проекта состояла в организации школы социологов для людей с высшим образованием. На призыв рязанцев откликнулись В. Костюшев и А. Тихонов, которые составили Устав этой очно-заочной школы, сформировали команду преподавателей, а затем (уже все вместе) и программу двухгодичного обучения. В эту команду, кроме уже названных, вошли Борис Иванович Максимов, Александр Эткинд и я. Немного позже мы пригласили Наталью Александровну Нечеву.

Это было совершенно уникальное образовательное учреждение. В течение учебного года мы каждый месяц приезжали в Рязань на 3–4 дня. За это время читались лекции, проверялись «домашние задания», ставились задачи учащимся на следующий месяц. Уже в первом году обучения был дан старт нескольким эмпирическим проектам, по результатам которых наши студенты писали дипломные работы.

Время было горячее. В эти годы проходили демократические выборы в органы «местного» (областного и городского)

самоуправления — формировались органы власти субъектов РФ. Весь преподавательский коллектив вместе со студентами включился в этот процесс. А. В. Тихонов «делился опытом» с партийно-хозяйственным активом Рязани. Б. И. Максимов работал с профсоюзами и крупнейшими промышленными предприятиями. В. Костюшев в то время изучал неформальные общественные движения, которые, естественно, были и в Рязани. А. Эткинд «взял на себя» высшую школу КГБ СССР (правда, скоро они объединились с Костюшевым и не без успеха пытались объединить курсантов этой школы с неформалами). Я контактировал с творческими союзами. Идея последнего «проекта» состояла в объединении этих маломощных союзов в более солидную организацию — «Союз творческих союзов». До сих пор удивляюсь, как нам хватало времени и энергии на всю эту бурную деятельность.

По инициативе Бориса Ивановича на ряде предприятий Рязани силами наших студентов было проведено полноценное социологическое исследование процесса внедрения бригадного подряда и арендных отношений. Кроме дипломных студенческих работ были написаны аналитические записки для руководства этих предприятий¹. В качестве председателя ГЭК мы пригласили Б. З. Докторова и выдали нашим выпускникам дипломы государственного образца, которые официально получили через высшую комсомольскую школу в Москве.

Второе плотное совмещение наших профессиональных траекторий также было с продолжением: Борис вместе со своей женой Людмилой Ивановной Максимовой участвовали, как минимум, в двух социологических экспедициях в Тверскую, Новгородскую и Вологодскую области в качестве интервьюеров. И здесь Боря, хотя уже чувствовал себя неважно, работал что называется «на всю катушку»: кроме «плановых»

¹ См. подробнее об этом: *Максимов Б. И.* Социология начала эпохи перемен (на примере Рязанской школы социологов); *Исайчева Д.* Что нам дала Рязанская школа социологии // Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 557–564.

интервью, они с Людой еще брали интервью у местных священников.

Народная мудрость гласит: «Человек должен построить дом, посадить дерево и воспитать сына». Дом был построен еще родителями Бориса, но он построил или восстановил не одну часовню и церковь. Что касается дерева, то Борис посадил целую сосновую рощу вдоль по берегу речки Саба, что течет близь его деревни. (Я гулял по этому сосняку в поисках маслят, правда, ничего не нашел — было очень сухо и рановато для грибов.) С сыновьями как-то не задалось, но он вырастил двух замечательных дочерей, а уже они родили в общей сложности четырех мальчиков, в которых Боря вложил очень и очень много. Так что жизнь вполне удалась.

Борис Иванович оставил нам огромное наследство. Мало кто может похвастать тем, что он оставил в мире после себя. А Боря оставил часовню, музей своей деревни, переправу через реку, сосняк. Кроме того, статьи и книги, которые написаны простым языком и к которым еще будут обращаться его потомки — коллеги социологи и историки. И, наконец, что тоже немаловажно, — он оставил множество друзей и светлую память о себе, а также немало добрых слов о своих друзьях и учителях. В уже упоминавшемся интервью, которое он дал своему тезке Борису Докторову, он очень тепло отзывался о своих учителях в социологии Генриаде Ивановне Хмаре, Альберте Васильевиче Баранове, Борисе Максимовиче Фирсове.

Источники

Божков О. Б. Простой нормальный хороший человек (городской портрет на деревенском фоне) // Человек. 2016. № 3.

Максимов Б. И. «Социолог как лошадь, скачущая в стойле» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 6–7.

Максимов Б. И. Социология начала эпохи перемен (на примере Рязанской школы социологов); Исайчева Д. Что нам дала Рязанская школа социологии // Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 557–564.